

УДК 323.225

Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области)

Скиперских Александр Владимирович

Доктор политических наук,
Профессор кафедры философии,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, 28;
e-mail: pisatels@mail.ru

Аннотация

Автор останавливает внимание на провинциальных особенностях уличного протеста, его спецификах, проблемах протестной манифестации в российской провинции, сравнивает общие черты и различия политического протеста в провинции и в столице, а также возможности перехода к «скрытым» протестам.

Ключевые слова

Власть, дискурс, оппозиция, политический протест, политический перформанс, провинция.

Введение

После декабрьских парламентских выборов 2011 года в России появляется новая политическая реальность. Масштабные фальсификации на парламентских выборах и отсут-

ствие ощущения «честной и равной» борьбы кандидатов на президентских выборах в марте 2012 года способствовали наполнению концепта «уличный протест». Относительный спад митинговой волны тем не менее вовсе не отменяет данную политиче-

Скиперских Александр Владимирович

скую реальность. Это не значит, что данная реальность перестаёт объективироваться в дальнейшем. Протестный социум в России и существует, и жаждет выхода протестной энергии, её артикуляции на непопулярные политические сюжеты и объекты. Наверное, исследователи, интересующиеся практикой уличных протестов в России 2011-2012, получают в данный момент некоторую передышку, возвращаясь с полевых штудий в свои квартиры, к ноутбуку на столе.

Необходимость переосмысления произошедших событий является очевидной, что актуализирует попытки любых исследований протестного ренессанса в России.

В данной статье автор представит свой взгляд на российский провинциальный протест, разбуженный как столичными делегитимационными процессами, так и местными (локальными) проблемами. В качестве пространственной рамки автором выбран провинциальный Елец – второй по величине город в Липецкой области с населением 108 000 человек. В городе, где «Единая Россия» набрала 29,82 % голосов избирателей не без помощи значительного административного ресурса, правящая элита получает и уличный протест.

В Ельце также проходили и проходят акции протеста в разных формах, начиная от митингов и заканчивая интеллектуальными, издевательскими политическими перформансами и хэппенингами. Разумеется, данные мероприятия свидетельствуют о наличии в Ельце протестного, определённым образом консолидированного социума, готового как открыто, так и в художественной, интеллектуальной форме артикулировать протестные намерения.

Проблемы протестной манифестации в российской провинции

Политическую жизнь провинции вряд ли можно представить в оторванности от центра, выступающего для провинции своеобразным ориентиром. Именно в центре политическая жизнь приобретает настоящее напряжение – провинция же улавливает сердцебиение центра уже после того, как оно получило ускорительный импульс. И центр, и провинция есть части неразрывной политической и социальной ткани, организующей один из порядков общественного. В этой связи часть и целое единого организ-

ма обладают сходной структурой и составом, приобретая различия лишь в формате, обусловленном размерами и претензией центра на авторство в формулировании векторов политических изменений. Разумеется, если делегитимационные процессы конституируются в центре, в каком-то смысле они могут повторяться и в провинции, с поправкой на её количественные и пространственные спецификации.

И в центре, и в провинции живут люди, которым необходимо есть и одеваться, отдыхать и лечиться. И в центре, и в провинции есть политически активный социум. Сходство необходимости получать доступ к благам цивилизации и артикулировать запросы в политическую систему отмечается как в центре, так и в провинции с такой же неизменной частотностью, с которой бьётся человеческое сердце. Сумма подобных процессов характеризует целостность политической жизни, растворяющей в себе всё политическое многообразие. В этом смысле оправданность политического протеста на периферии представляется достаточно объективной.

Вопрос о преимуществах политической географии протеста дискуссионен. Десятки тысяч несогласных на Болотной площади и на проспекте Са-

харова в каком-то смысле оказывались в более выгодной ситуации, чем работник бюджетной сферы, вышедший на улицу провинциального городка в единый день протестных акций в России. А ведь он выражал свой маленький гражданский протест из глубины елецких известняков прямо как «из глубины сибирских руд». Провинциальный протест лишён столичной анонимности. В провинции моментально можно сделать себя узнаваемым, в одночасье решив проблемы собственного политического брендинга, в которое вкладывают довольно большие средства (по меркам российской провинции) представители успешного бизнеса, чтобы извлечь дивиденды политические – мандат депутата городского Совета. В центре – митингующий подобен улитке, спрятавшейся в панцирную роговицу таких же несогласных. В провинции невозможно спрятаться в панцирь. Средств на такую тёплую, предохраняющую одежду попросту нет. Поэтому несогласный гражданин в российской провинции рискует, подставляя своё тело колючему ветру безжалостной критики и всевозможных уличений в проплаченности и ангажированности.

Провинция может даже находиться в более выгодной ситуации.

Сигнал власти всегда исходит из центра и несколько ослабевает по мере достижения периферии, представляясь менее отчётливым. Принуждение, исходящее от власти, осуществляется посредством практик тотального поглощения публичного пространства, подворачивания его под себя. Таким образом, приватное поглощает публичное – данные «правила игры» являются репрезентативной моделью поведения власти.

На завоёванной территории остаётся большая часть общества, готовая принимать новые стандарты поведения «правила игры». Власть удерживает её (большую часть общества) в тесных рамках политической несвободы, в маленьком городке, среди его старых домов и узких улиц. Человека размещают среди его предсказуемых топографических объектов, прессингуя его неприятным альтернатив и ощущением экзистенциальности. Власть использует и особенности провинциальной морфологии. Двухэтажную застройку российской провинции, метаморфирующую в вездесущий пластик. Уныние вечных стен, следуя мысли испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, может выступать жёсткой и обусловленной психологической рамкой, в которой

власть способна удерживать «чуткого провинциала»¹. В российской провинции многие знают друг друга в лицо и по фамилиям, что накладывает дополнительные ограничения на протестные объективации.

Стоит ли лишний раз говорить о том, что посещение протестного мероприятия в подобных условиях является важнейшим тестом на дальнейшие перспективы доверительного общения! Пришедшие на митинг или пикет в российской провинции ищут взглядом друг друга, положительно отмечая чьё-то присутствие, чьё-то сдержанное обещание. Посещение подобных протестных мероприятий становится своеобразным тестом на товарищество, на гражданскую допустимость. Что касается её несогласной части, то она «вытесняется на географическую и политическую периферию, где сигнал власти несколько ослабевает, не представляясь уже таким обжигающим»².

Отмеченные выше практики власти относятся и к протесту в сто-

1 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. – М.: АСТ, 2008. – С. 37.

2 Скиперских А.В. Дискурс политической власти в сказочном тексте: приглашение к медленному чтению. – Елец: МУП «Типография», 2011. – С. 184.

лице. Попытки оппозиции согласовать проведение протестных мероприятий в сакральных центрах, как правило, не увенчаются успехом. Власти не нравится, когда митингуют против неё в непосредственной близости от её дома, от её стен. Эта практика роднит как центр, так и провинцию, потому как является следствием определённых законов бытия власти, её предохранения от делегитимационных сигналов. Вытеснение оппозиционного митинга как можно дальше от собственного центра – места причащения власти и отправления различных легитимирующих ритуалов – является неотъемлемой практикой правящего класса, вне зависимости от уровня власти, на котором он присутствует и разрастается политически, экономически, информационно.

Проблема ещё заключается и в том, что в провинции может существовать только единственный центр, в непосредственной близости от резиденции власти. Власть просматривает его насквозь и через установленные по его периметру камеры наблюдения. Всё, что существует помимо политического центра, автоматически относится к сплошной периферии – тёмной и заснеженной. Своеобразным свидетельством отсутствия внимания

власти к периферии в провинции является отсутствие там тротуаров в надлежащем состоянии. Получается, что на периферии провинции вообще *люди ходят редко*. Вытеснение протеста городской администрацией в провинции на периферию фактически означает пренебрежение волей митингующих горожан. Разумеется, в столице ситуация с локализацией уличного протеста обстоит несколько иначе.

Политический протест в провинции и в столице: общее и особенное

Политический протест в российской провинции имеет несомненную специфичность, разграничивающую себя с центром, с бурлящей столицей – законодателем политической моды. На наш взгляд, принципиальным отличием провинциального политического протеста от московских многотысячных митингов (и те, и другие проходили в декабре 2011 – марте 2012 года) может быть не его количественная характеристика, а качественная составляющая, восходящая к психологическим спецификациям субъектов провинциального протеста.

С точки зрения автора, довольно принципиальным отличием двух форматов протеста могут являться их психологические и идеологические основания. Это отличие двух философий, позволяющих так или иначе позиционироваться субъекту протеста – провинциалу и столичному жителю.

Протестуя против фальсификаций на парламентских выборах в декабре 2011 года или высказывая недоверие В.Путину накануне президентских выборов в марте 2012 года, митингующий провинциал ощущает сопричастность с центром – его грёза, похожая на сон, его «разрастающаяся мечтательность»³, как когда-то охарактеризовал грёзу Г. Башляр, переносит его на московские «баррикады», в более авторитетную реальность. Его грёза отсылает его в компанию медийных, узнаваемых политических персоналий – оппозиционных страдальцев, столичных интеллектуалов и прогрессивной, равнодушной молодёжи. Именно в хронотопе провинциального митинга возникает ощущение наложения на центр, на столичное пульсирующее сердце протеста. Поэтому на импровизированных барри-

кадах провинциальный несогласный чувствует себя как будто в центре. Провинциальный протестант – несогласный – «рассерженный горожанин» – творит историю здесь и сейчас. Как отметил Д. Шарп, для того чтобы рассчитывать на политические изменения, «требуется участие большого количества людей»⁴. Субъекты политического протеста в провинции изначально понимают собственную неспособность мобилизовать такое количество людей, которого будет достаточно для того, чтобы власть пошла на какие-либо уступки. Поэтому взгляд в сторону столицы как средоточия большой социальной протестной массы – неизбежен.

Другое дело – политический протест в столице. В центре нет ощущения, что ты в провинции. Находясь на Болотной площади или на проспекте академика Сахарова, проходя по Якиманке или держась за руки, охватывая Садовое кольцо, у митингующих не возникает ощущения сопричастности с российской провинцией. Вряд ли можно себе представить, что «разрастание мечтательности» столичных «рассерженных горожан» отсылает их

3 Башляр Г. Избранное: поэтика грёзы. Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 15.

4 Шарп Д. От диктатуры к демократии. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – С. 48.

в скромный провинциальный городок. Вряд ли они в своей грёзе чувствуют кривые провинциальные тротуары под ногами. Вряд ли они могли бы пожертвовать своей анонимностью и самим себе подписать приговор политической и профессиональной непригодности в патриархальном, узком мире российской провинции. Навлечь на себя политические репрессии начальника, при этом видя его спокойное невозмутимое лицо, в провинции сегодня довольно просто.

Провинциальный протест изначально рассчитан на маленькую аудиторию и в этом, наверное, можно разглядеть его обречённость. Но выступающие против фальсификаций выборов и непопулярного политического режима изначально готовы протестовать в условиях малого количества таких же, как и они. У них нет комплекса говорения в маленькой аудитории и их не сдерживает компактность места, его «просвеченность», а также большое количество полицейских и сотрудников ФСБ. В Ельце очень сложно обеспечивать анонимность. Эта проблема распространяется не только на «рассерженных горожан», но и на другие социальные группы, вовлекающиеся в новую политическую реальность. Так уже по-

сле первого протестного мероприятия в социальную сеть было выложено больше ста фотографий, по которым можно было практически полностью реконструировать сам пикет и его участников, начиная от несогласных и заканчивая их соглядатаями в штатском. Сотрудники спецслужб из-за этого испытывают колоссальный дискомфорт, потому как новые технологии и схемы коммуникации работают против них, отменяя тайное наблюдение – наблюдение исподволь, в духе паноптикума И. Бентама. Башня английского правоведа, удерживающаяся на столичной почве, медленно разрушается в российской провинции.

Подобная специфика провинциального протеста является следствием социометрической тесноты российской провинции – митингующий социум, как правило, сильно пронизан коммуникационными каналами. Люди, приходящие на такие мероприятия, улыбаются друг другу, обмениваются дружескими рукопожатиями. Рукопожатия предназначаются и сотрудникам силовых структур, обеспечивающих надзор за уличным протестом. Многих из них прекрасно знают, потому как данные персоналии ещё и являются носителями дру-

гих социальных статусов. Сотрудник силовых органов может быть твоим соседом по лестничной клетке либо по гаражному кооперативу. У кого-то могут быть дети. Кто-то приобрёл известность благодаря скандалам. Всё это определённым образом театрализуется подобными мероприятиями, несколько нивелирует их серьёзность, превращая их скорее в какое-то странное состояние вместе. Наконец люди, испытывающие склонность к социальной девиации, обладают повышенной чувствительностью на репрессивные шумы. За ними чудится страшная дисциплинирующая машина. Поэтому её образы и очертания надолго остаются в памяти.

Статусы провинциалов, принимающих участие в уличных протестах, не являются тайной. *В провинции люди здороваются друг с другом значительно чаще*, нежели в столице. Повседневная жизнь протекает гораздо медленнее, что позволяет субъекту быть более расположенным к вниманию. Данное обстоятельство является весьма красноречивым фактом, подчёркивающим отсутствие анонимности в провинции.

Рукопожатие как свидетельство некоего внимания и расположенности выступает ещё и маркером политиче-

ской благонадёжности, демонстрируя приписку к тому или иному политическому флангу. Протестные митинги выявляют новую социальную практику – нерукопожатность, обусловленную политическими мотивами. Протестные митинги в Ельце разрезали общество на тех, которые поддерживают власть и проявляют повышенную чувствительность к метафорам «стабильности», и на тех, которые попытались задать власти некоторые вопросы в правовом поле, апеллирующие к метафорам «изменения», физического и духовного «обновления» власти. Наиболее очевидно поляризация по поводу понимания подобных вещей произошла среди елецкой молодёжи. Проблема гражданского назначения выборов и высокого служения самой власти структурировала молодёжный социум в его способности понимания. Различие в восприятии политического поссорило молодёжь в Ельце, аргументировав основания игнорировать друг друга.

Переход к «скрытому» политическому протесту

Подобная конъюнктура порождает и практики ненасильственного сопротивления, вызванного ещё и не-

которыми подстраховками в желательной анонимности протеста. Именно проблема сохранения анонимности, на наш взгляд, и вызывает интеллектуальные культурные провокации. Власть становится объектом насмешек – субъекты протеста апеллируют к общественной смеховой культуре, вызывая её объективации.

Некоторые исследователи, говоря о различных формах политического спектакля, отмечают их несомненное преимущество по сравнению с фронтальным, лобовым столкновением с властью, с её холодной разрешительной машиной. Действительно, важнейшим плюсом подобных акций является тот факт, что «они не предполагают получения разрешения со стороны властей. Поэтому при усилении репрессивных практик государства и свёртывании возможностей легального протеста они дают возможность избегать контроля и репрессий, от которых страдают участники обычных митингов и демонстраций»⁵. Действительно, относительная безопасность подобных перформансов и хэппенингов выглядит довольно заманчивой

перспективой, расширяющей возможности участия в них сомневающейся, колеблющейся и даже не слишком политизированной части общества (преимущественно молодёжи).

Как когда-то отметил итальянский мыслитель У. Эко, «улица, ведущая себя не буйно, есть выражение гражданской свободы»⁶. Своеобразным выражением уличной свободы может являться и политический перформанс, в провинции выходящий на открытые пространства, словно демонстрирующий комплекс футлярности его авторов. Весной 2012 года в Ельце уже состоялось несколько подобных мероприятий, вызвав интерес у общественности. Возможно, следует предположить сохранение подобной формы выражения политизированной несогласной части елецкой молодёжи, тем более что данные творческие рефлексии не требуют чётких правовых дисциплинаризаций власти.

Таким образом, необходимо отметить, что политический протест в российской провинции, и конкретно в Ельце, наверное, полностью исчерпывает имеющееся у него преимущество самой провинциальности, при этом, конечно, страдая от неизлечимых не-

5 Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4 (72). – С. 47.

6 Эко У. Полный назад / Пер. с ит. Е. Костюкович. – М.: Эксмо, 2007. – С. 268.

достатков. На наш взгляд, провинциальному протесту пока не под силу и онтологические проблемы, связанные с целеполаганием и смыслом в подобном противостоянии власти.

Как уже было отмечено, социальный состав уличного протеста в Ельце представляет собой модель елецкого общества в условиях постиндустриальной реальности. Практики уличного протеста в российской провинции, тем не менее, всё-таки могут демонстрировать некие проформы нарождающегося гражданского общества, находящегося в состоянии медленного и трудного оформления. Безусловно, оно и в дальнейшем нуждается в неких вызовах, способных поспособствовать формированию его институциональной ткани. К счастью, политический процесс в современной России в последнее время прямо или косвенно готов вызвать к жизни гражданские демократические практики «снизу».

Заключение

Дальнейшее развитие политического процесса как и в самой России, так и на локальном уровне (в самом Ельце) может ответить на вопрос, насколько перспективен в рос-

сийской провинции подобный опыт. На данный момент времени протестная активность продолжает иметь место, правда будучи завуалированной в политический арт и встречая своего неожиданного зрителя прямо на улицах.

Библиография

1. Башляр Г. Избранное: поэтика грёзы / Пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2009. – 440 с.
2. Зайцева А. Спектакулярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4 (72). – С. 47-69.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. – М.: АСТ, 2008. – 347 с.
4. Скиперских А.В. Дискурс политической власти в сказочном тексте: приглашение к медленному чтению. – Елец: МУП «Типография», 2011. – 211 с.
5. Шарп Д. От диктатуры к демократии. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 224 с.
6. Эко У. Полный назад / Пер. с итал. Е. Костюкович. – М.: Эксмо, 2007. – 592 с.

Specifics of a provincial political protest in modern Russia (on an example of the city of Yelets, Lipetsk region)

Skiperskikh Aleksandr Vladimirovich

Full Doctor of Political Sciences,
The professor of the department of philosophy,
Yelets State University named after I.A. Bunin,
P.O. box 399770, 28 Kommunarov st., Yelets, Russia;
e-mail: pisatels@mail.ru

Abstract

The street political protests which recently have become characteristic feature of political process in modern Russia, obtain support and development not only in the capital, but also in the province. The author of this article tries to give the characteristic to a political protest in a Russian province, thus, noting its similarity/distinctions with the same protests in the capital.

The author focuses on the provincial features of a street protest and finds reflection in its structures and forms. The provincial protest has many exclusively peculiar features, thus, after all incorporates itself much from the political taste and style features of protests in Moscow/capital. This circumstance in many respects predetermines prospects of institutionalization of street protests in Russian provinces.

Keywords

Power, discourse, opposition, political protest, political performance, province.

References

1. Bachelard, G. (2009), *Favorites: the poetics of reverie. Transl. from Fr. [Izbrannoe: poetika grezy. Per. s fr.]*, ROSSPEN, Moscow, 440 p.
2. Eco, U. (2007), *A passo di gambero. Trans. from Ital. [Polnyi nazad. Per. s ital.]*, Eksmo, Moscow, 592 p.

3. Ortega y Gasset, J. (2008), *The revolt of the masses. Dehumanization of Art. Spineless Spain* [*Vosstanie mass. Degumanizatsiya iskusstva. Beskhrebetnaya Ispaniya*], AST, Moscow, 347 p.
4. Sharp, G. (2005), *From Dictatorship to Democracy* [*Ot diktatury k demokratii*], Ul'tra. Kul'tura, Yekaterinburg, 224 p.
5. Skiperskikh, A.V. (2011), *The discourse of political power in a fabulous text: An invitation to a close reading* [*Diskurs politicheskoi vlasti v skazochnom tekste: pri-glashenie k medlennomu chteniyu*], Tipografiya, Yelets, 211 p.
6. Zaitseva, A. (2010), "Spectacle forms of protest in modern Russia: between art and social therapy" ["Spektakulyarnye formy protesta v sovremennoi Rossii: mezhdru iskusstvom i sotsial'noi terapii"], *Neprikosnovennyi zapas*, No. 4(72), pp. 47-69.